

внесения в норму ч. 15 ст. 4 УК следующего дополнения: «установить промежуток в количестве совершаемых лицом деяний, исходя из которых геноцид может подлежать квалификации на национальном уровне» (например — два или более тождественных деяния но не свыше четырех таковых).

2. *Нормы Международного гуманитарного права (с учетом Конвенции 1948 г.)*: Как уже ранее указывалось автором, для квалификации преступления геноцида на международном уровне (учитывая нормы п. 1 (а) ст. 13, п. 1 (а и d) ст. 17 Статута ИСС), необходимо чтобы оно (*преступление*) совершалось один или определенное количество раз. Однако, мы полагаем что первоначальным источником для проведения расследования дел о геноциде, должен служить как правило *акт агрессии государства*. Ещё в своё время, 14 декабря 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН была утверждена Резолюция № 3314 (XXIX) об определении агрессии в Международном праве (далее — *Резолюция № 3314*) [6]; согласно ч. 1 ст. 1 Резолюции № 3314 агрессией признается «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства», т.е. когда государство, пренебрегая правилом объявления войны, осуществляет военное вторжение на территорию иного государства, что является преступлением агрессии подпадающим под юрисдикцию ИСС в порядке п. 1 (d) ст. 5 Статута ИСС.

Кроме того, если мы еще раз обратим внимание на ранее указанные в п. 2 (а–е) ст. 4 Устава ИСТУ признаки объективной стороны состава преступления геноцида, то они лишь были «*перекодификацией*» норм пп. а–е ч. 1 ст. II Конвенции 1948 г. (*содержит те же объективные признаки состава преступления геноцида*); однако, если мы посмотрим на положение норм пп. а–d ч. 1 ст. III Конвенции 1948 г., то увидим что каждое физическое лицо подлежит наказанию за следующие деяния: ¹⁾ геноцид; ²⁾ заговор с целью совершения геноцида; ³⁾ прямое и публичное подстрекательство к геноциду; ⁴⁾ покушение на совершение геноцида.

С учетом анализа вышеуказанных норм, можно смело предположить, что некоторые из таких преступных деяний международного характера и не могут быть имплементированы в нормы Национального уголовного права, в связи с чем, собранные по ним материалы должны подлежать рассмотрению исключительно в том Международном уголовном суде, который обладает необходимой юрисдикцией. В этом случае и с учетом предложенного автором выше дополнения об установлении в нормах национального уголовного права промежутка в количестве совершаемых лицом деяний, достаточно эффективным будет применение положений п. 1 (а и d) ст. 17 Статута ИСС. Это, конечно позволит существенно отграничить компетенцию рассмотрения дел о преступлениях геноцида как судами Республики Беларусь, так и ИСС в целом.

Заключение. В ходе проведенного исследования об определении критериев отграничения квалификации преступления геноцида на национальном и международном уровне, мы можем сделать следующий вывод общего характера: «*Для целей квалификации преступления геноцида на национальном уровне, судам необходимо руководствоваться правилом «систематичности совершения преступлений» в порядке ч. 15 ст. 4 УК; Международное гуманитарное право должно производить квалификацию преступлений геноцида, опираясь на нормы Конвенции 1948 г., учитывая при этом п. 1 (а) ст. 13 и п. 1 (а и d) ст. 17 Статута ИСС.*»

Список цитируемых источников

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 18.06.2025).
2. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения Международного гуманитарного права, совершенные на территории Бывшей Югославии : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 18.06.2025).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-3 — URL: // <https://etalonline.by/> (дата обращения: 05.09.2025).
4. Римский статут Международного Уголовного Суда : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 20.06.2025).
5. О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь от 17 дек. 2002 г. № 9 : в ред. от 31 марта 2022 г. № 2 // Верховный Суд Республики Беларусь. — URL: <https://court.gov.by> (дата обращения: 20.06.2025).
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН об определении агрессии : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 20.06.2025).

УДК 341.641

Г. А. Лёвкин

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

Научный руководитель Н. А. Петровский

ОТДАЧА ПРЕСТУПНОГО ПРИКАЗА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ КВАЛИФИКАЦИИ И СООТНОШЕНИЯ СТ. 438 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА СО СТ. 33 РИМСКОГО СТАТУТА (СТАТЬЯ 33 — ПРИКАЗЫ НАЧАЛЬНИКА И ПРЕДПИСАНИЯ ЗАКОНА)

Введение. Окончание работы Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов, позволило «передать на руки» ученым и юристам-международникам документы о содержании приговоров этих судов. Проводя анализ полученных документов, впервые перед доктриной *International Humanitarian Law* предстал

на рассмотрение вопрос — «Каковы правовые критерии разграничения условий необходимости исполнения комбатантом отданного военным командиром (начальником) приказа?». С нашей точки зрения, мы не можем говорить об окончании исследования правовой природы такого вопроса, поскольку это, в первую очередь позволяет определить элементы субъективной стороны состава преступления международного характера: лицо, осложняясь обстоятельствами боевой обстановки было вынуждено привести в исполнение отданный приказ под угрозой привлечения к ответственности (*лицо могло заведомо понимать, что отданный приказ является незаконным по смыслу International Humanitarian law*) либо, оно могло иметь прямой умысел на совершение преступного деяния вследствие заблуждения в неправомерности полученного им на исполнение приказа.

Основная часть. Незадолго до грядущих изменений в Международном уголовном праве (17 июля 1998 г. — принятие Римского статута Международного уголовного суда (*Rome Statute of the International Criminal Court* (ICC)), одной из попыток доктрины международного права противостоять злостным нарушениям четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним от 8 июня 1977 г., наравне с возникшим очагом Вооруженного конфликта на территории бывшей Югославии, взгляд международного сообщества пал на государство Руанда. Руанда, как и граничащие с ней соседние государства, — стали зоной гражданской войны 1990–1994 гг., сопровождавшейся геноцидом этнической группы Руанды — *тутси*, а также умышленным нарушением норм *International Humanitarian Law* в условиях того, что такой Вооруженный конфликт и не носил характер «международного».

Масштабы преступлений геноцида против руандийских тутси оказались настолько серьезными, что 8 ноября 1994 г. Советом Безопасности ООН были приняты положения Резолюции № 955, во исполнение которой, был утвержден Устав Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. (перевод англ.: *International Criminal Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Genocide and Other Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Rwanda and Rwandan Citizens Responsible for Genocide and Other Violations Committed in the Territory of Neighbouring States between 1 January 1994 and 31 December 1994* (ICTR)) (далее — *Устав ICTR*) [1]. Примечательно, что в отличие от учрежденного Резолюцией № 827 Устава ICTY (*International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia*), квалификация преступлений международного характера по Уставу ICTR могла и не ограничиваться лишь исключительно территорией самой Руанды, а применяться также к тем государствам, в которых их гражданское население было подвержено попытке планомерного истребления.

Подтвердим указанный нами факт об исключении в квалификации преступлений международного характера признака индивидуализации территории государства Руанда. Согласно норме ст. 7 Устава ICTR «территориальная Юрисдикция ICTR распространялась на:

– ¹⁾ территорию Руанды, включая ее сухопутную территорию и воздушное пространство, а также на

– ²⁾ территорию соседних государств в отношении серьезных нарушений *International Humanitarian Law*, совершенных гражданами Руанды».

С нашей точки зрения, порядок применения ICTR условий территориальной Юрисдикции в отношении граничащих с Руандой государств, обуславливался и не только преступлениями геноцида. Норма п. (а) ч. 1 ст. 4 Устава ICTR закрепляла и Юрисдикцию Трибунала в отношении *Violations of article 3 common to the Geneva Conventions and of Additional Protocol II* (иначе — *нарушения статьи 3, общей для Женевских конвенций и Дополнительного протокола II*): «ICTR полномочен осуществлять судебное преследование лиц, которые совершают или отдают приказ о совершении серьезных нарушений статьи 3, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительного протокола II от 8 июня 1977 г. — в частности, убийства, а также жестокое обращение, как, например, пытки, увечья или любые формы телесного наказания».

Однако, учитывая содержание норм п. (а) ч. 1 ст. 4 и ст. 7 Устава ICTR, какое отношение они могут иметь к поставленной автором проблеме статьи? В первую очередь, давайте посмотрим на ранее указанную нами ст. 4 Устава ICTR, где сделаем упор на анализ следующего предложения: «лица, которые совершают или отдают приказ о совершении серьезных нарушений». В контексте указанной нормы, термин «отдача приказа», на наш взгляд должен иметь два основных направления в уяснении его правового смысла: ¹⁾ анализ военным командиром (начальником) обстоятельств военного времени и боевой обстановки; ²⁾ разграничение условий военной необходимости (в частности, нанесение ударов в пределах населенного пункта с целью поражения войск неприятеля) и предписаний норм *International Humanitarian Law*. При этом, обстоятельства военного времени или боевой обстановки, могут складываться и таким образом, что принимаемое военным командиром (начальником) решение, — выступает (*по его мнению*) единственным верным средством достижения целей военной необходимости, заведомо пренебрегая нормами Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним от 8 июня 1977 г.

Обобщая вышесказанное, возникает вопрос: «В случае отдачи военным командиром (начальником) приказа, являющегося по смыслу *International Humanitarian Law* явно незаконным, каковы критерии разграничения комбатантом условий правомерности в исполнении такого приказа?». Ответ на поставленный

вопрос, мы попытаемся дать посредством применения методов анализа и синтеза норм уголовного и воинского законодательства индивидуального государства-участника ООН, а также их сопоставления с общими положениями Международного права (*в качестве индивидуального государства-участника ООН в настоящей статье, будет выступать Республика Беларусь*).

1) *Анализ положений уголовного и воинского законодательства Республики Беларусь*: В качестве правовой основы, выступающей источником отдачи военным командиром (начальником) приказов, рассмотрим положения одного из составов преступлений, предусмотренных гл. 37 Уголовного кодекса (далее — УК) [2].

Статья 438 УК.

– ¹⁾ *Открытый отказ от исполнения приказа начальника либо иное умышленное неисполнение приказа (неповиновение), за исключением случаев, когда подчиненный отказался исполнить заведомо преступный приказ, наказываются ограничением по военной службе на срок до двух лет, или арестом, или лишением свободы на срок до двух лет.*

– ²⁾ *Неповиновение, совершенное группой лиц, либо в военное время или в боевой обстановке, либо повлекшее тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок до семи лет.*

Из содержания уголовно-правовой нормы, вполне очевидно, что диспозиции обоих составов преступлений являются — описательными, в то время как санкции — различны (*часть 1 — альтернативная, а часть 2 — абсолютно-определенная*). Однако, если мы внимательно посмотрим на положение ч. 2 ст. 438 УК то увидим, что она (*норма*) закрепляет термины «*военное время и боевая обстановка*», — как *факкультативные признаки объективной стороны квалифицированного состава преступления*, хотя при этом не принимает во внимание и факт определения таких условий в качестве одной из причин отказа комбатанта исполнить соответствующий приказ. Кроме того, норма ч. 1 ст. 438 УК в отличие от указанного ранее квалифицированного состава преступления, по сути устанавливает «*жесткое*» ограничение на признание комбатанта виновным в совершении воинского преступления в той связи, когда лицо, заведомо понимая что отданный приказ является явно незаконным, отказалось его исполнять. Но, если мы, учитывая проведенный анализ чч. 1 и 2 ст. 438 УК, обратим внимание на нормы чч. 2 и 3 п. 29 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь (далее — *Устав внутренней службы*) [3], то сможем увидеть следующее: закрепляется «*принцип единоначалия*», согласно которому, — «*единоначалие выражается в праве командира (начальника) единолично отдавать соответствующие приказы с обеспечением их выполнения, а также предусматривающий, что обсуждение приказа недопустимо, а неповиновение или неисполнение приказа является воинским преступлением*».

Но тогда, можно ли признавать в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность лица, принявшего и исполнившего преступный приказ следующую ситуацию: Из содержания показаний свидетеля «ОО» в приговоре Судебной камеры ICTR по делу *The Prosecution versus Jean-Paul Akayesu* («*Прокурор против Жан-Поль Акэйесу*»), — «*At the meeting which was held on the morning of 19 april 1994, another speaker said that all the tutsi should be killed, at the same time quoting — “I will have peace when there will be no longer a tutsi in Rwanda”*» (перевод англ.: «*На встрече, которая состоялась утром 19 апреля 1994 года, другой оратор заявил, что все тутси должны быть убиты, одновременно произнеся: “Я обрету мир, когда в Руанде больше не будет тутси”*») [4]. Конечно, учитывая показания свидетеля «ОО», приведенные в выдержке из приговора Судебной камеры ICTR не могут позволить нам в полной мере говорить об отсутствии в словах такого оратора прямого умысла на совершение массовых убийств (*планомерного истребления*) в отношении руандийских тутси. С нашей точки зрения, слова «*Я обрету мир, когда в Руанде больше не будет тутси*», по сути при квалификации можно расценивать как призыв к «*расовой дискриминации группы тутси с целью их последующего истребления*», что свидетельствует об оправданности применения судьями Судебных камер ICTR правила п. (а) ч. 1 ст. 4 Устава ICTR. Однако, действующий УК (*с учетом анализа вышеуказанной ситуации*) позволяет применять национальным судам и норму п. 7 ч. 1 ст. 63 УК (**Общая часть*) — «*обстоятельством, смягчающим ответственность, признается совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости*». В этом случае, при квалификации преступления, совершенного комбатантом во исполнение преступного приказа, судам необходимо учитывать его служебную зависимость от военного командира (начальника), проявление которой, на наш взгляд, может быть выражено и в отдаче последним комбатанту преступного приказа под угрозой привлечения его к ответственности.

Однако, если мы посмотрим на содержание нормы ч. 3 *Примечания к гл. 37 УК*, то сможем увидеть, что «*за совершение преступления по заведомо преступному приказу начальника подчиненный подлежит ответственности на общих основаниях, в то время как само исполнение приказа может быть признано обстоятельством, смягчающим ответственность*». Кроме того, норма ч. 3 п. 37 Устава внутренней службы четко регламентирует: «*командир (начальник) не должен злоупотреблять предоставленными ему властью и полномочиями, и несет полную ответственность за отданный приказ и последствия его выполнения*», что при самой квалификации деяния позволяет привлекать к уголовной ответственности не только исполнителя, но и подстрекателя преступления в порядке чч. 3 и 5 ст. 16 УК (**Общая часть*). С нашей точки зрения, квалификация преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 438 УК, должна производиться с учетом совокупности

некоторых признаков объективной стороны состава преступления — в частности, ¹⁾ анализ судом условий, которые могли складываться для комбатанта в определенный промежуток военного времени или боевой обстановки (*календарный день, время*); ²⁾ возможен ли был фактический отказ подчиненного (*комбатанта*) от исполнения заведомо для него преступного приказа; ³⁾ показатели уровня воинской дисциплины комбатантов по отношению к военным командирам (начальникам).

2) *Анализ положений ст. 33 Римского статута Международного Уголовного Суда (Rome Statute of the International Criminal Court (ICC))*: 17 июля 1998 г., стало датой прогресса в развитии современного Международного уголовного права — были приняты положения Римского статута Международного Уголовного Суда (*Rome Statute of the International Criminal Court (ICC)*) (далее — *Статут ICC*) [5], где впервые проблема квалификации деяний, совершенных комбатантами во исполнение преступного приказа была определена, как — общий принцип уголовного права (**General principle of criminal law*). В норме ст. 33 (а-с) Ч. III Статута ICC устанавливается следующее: преступление, подпадающее под Юрисдикцию ICC, совершенное лицом по приказу начальника, будь то военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда — «¹⁾ *лицо было юридически обязано исполнять приказы данного начальника*, или ²⁾ *лицо не знало что приказ был незаконным*, или ³⁾ *приказ не был явно незаконным*». При чем, если посмотреть на такой признак освобождения от уголовной ответственности по смыслу ст. 33 Ч. III Статута ICC, как — «*лицо было юридически обязано исполнять приказы данного начальника*», то сможем подтвердить его и нормами воинского законодательства Республики Беларусь. Так, согласно п. 41 Устава внутренней службы, комбатант «в целях успешного выполнения поставленной задачи обязан проявлять разумную инициативу, которая необходима, если полученный приказ не соответствует резко изменившейся обстановке», что на наш взгляд, еще раз подтверждает необходимость аналитического исследования комбатантом условий военного времени или боевой обстановки.

С другой стороны, если мы внимательно посмотрим на положение ст. 33 (b) Ч. III Статута ICC — когда, лицо не могло знать что приказ был явно незаконным, то увидим, что такая норма, по сути имеет соотношение с ч. 3 Примечания к гл. 37 УК: «*в случае рассмотрения уголовных дел о военных преступлениях национальным судом, председательствующий судья будет производить квалификацию преступлений, совершенных комбатантом, учитывая общие правила ст.ст. 132-138 УК. Однако, если в ходе судебного следствия будет установлен тот факт, что лицо, исходя из материалов уголовного дела и протокола допроса не могло знать, что приказ был явно незаконным, суд, руководствуясь положениями п. 7 ч. 1 ст. 63 и ч. 3 Примечания к гл. 37 УК сможет признать такое поведение лица, как обстоятельство, смягчающее ответственность что способно будет повлечь уменьшение строгости избираемой судом меры наказания*». При чем, наравне с вышеуказанным соотношением ст. 33 (b) Ч. III Статута ICC с нормой ч. 3 Примечания к гл. 37 УК, стоит отметить, что сам факт исполнения комбатантом преступного приказа имел место и в практике *судей ad litem* секций Судебных камер ICTR (*судьи ad litem* — такие судьи ICTR, которые могли быть назначены для рассмотрения конкретного дела и не обладали статусом постоянных судей Трибунала). Сами же судьи *ad litem* в порядке п. 1 (a и d) ст. 12 (*кватор*) Устава ICTR пользовались «*mutatis mutandis* теми же условиями службы, что и постоянные судьи ICTR, а также полномочиями участвовать помимо судебного разбирательства по делам, для рассмотрения которых они были назначены, в предварительном производстве по другим делам».

Заключение. Таким образом, в ходе проведенного исследования мы можем сделать следующий вывод: «¹⁾ *квалификация преступления по смыслу ст. 438 УК, должна производиться с учетом тех обстоятельств, которые действительно могли складываться для комбатанта в боевой обстановке*; ²⁾ *норма ст. 33 (а-с) Ч. III Статута ICC, устанавливает порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с исполнением преступного приказа и, позволяет привлекать лицо к такому виду ответственности на общих основаниях*».

Список цитируемых источников

1. Устав Международного трибунала по Руанде: [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 18.06.2025).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-3 — URL: // <https://etalonline.by/> (дата обращения: 20.06.2025).
3. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 26 июня 2001 г. № 355 — URL: // <https://etalonline.by/> (дата обращения: 06.08.2025).
4. *Chamber I — The Prosecution versus Jean-Paul Akayesu* : [International Criminal Tribunal for Rwanda]. — URL: <https://ucr.irmct.org> (дата обращения: 18.08.2025).
5. Римский статут Международного Уголовного Суда : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 20.08.2025).